

Анна Тёмкина

НОВЫЙ БЫТ, СЕКСУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И ГЕНДЕРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ¹

В данной статье я обращаюсь к проблеме гендерных различий и неравенства в сфере сексуальных отношений в России начала 2000-х гг. На основе анализа биографических интервью осуществляется реконструкция гендерных предписаний, идентичностей, практик и способов взаимодействия.² Эмпирические данные показывают, что в со-

---

¹ Многие идеи данной статьи обсуждались на проектных семинарах в Европейском университете в Санкт-Петербурге (ЕУСПб) и в Хельсинки, за что я благодарю всех участников. Я особенно признательна Е. Здравомысловой, А. Роткирх и И. Тартаковской за комментарии.

² В данной статье используются материалы, полученные в рамках проекта «Сексуальные и репродуктивные практики в России: свобода и ответственность (Санкт-Петербург, начало XXI в.)», его финансовая поддержка осуществлена Гендерной программой факультета политических наук и социологии ЕУСПб, 2005 год. Сексуальные биографии двадцати женщин и десяти мужчин двух возрастных когорт (от 17 до 25 лет, от 30 до 45 лет) были собраны методом глубинных интервью. Из тридцати опрошенных 20 человек принадлежат к среднему классу (12 женщин и 8 мужчин), 10 — к низшему среднему классу. Дополнительно мной было проведено 4 интервью с молодыми женщинами (20–25 лет) в Челябинске в марте 2005 г., за помощь в организации которых я признательна Ольге Никоновой. В интервью были включены блоки, касающиеся следующих тем: первые сексуальные воспоминания, сексуальный дебют, знания о сексуальности, стабильные и нестабильные отношения, любовь, брак, развод, внебрачные связи, разговоры о сексе с партнером, оргазм, беременность, роды, аборты, деторождение, контрацепция, заболевания и лечение. В интервью был включен также ряд оценочных вопросов (отношение к бездетности, одинокому материнству, многодетности, изменениям в сексуальной сфере и пр.).

временной России наблюдается тенденция повышения активности, ответственности и компетентности женщин, возрастает значимость партнерских (эгалитарных) отношений. Эта тенденция отчетливо прослеживается в сфере сексуальных отношений, столь значимых для организации гендерного порядка. С другой стороны, сохраняется двойной гендерный стандарт и гендерная поляризация (неравенство).

Под двойным гендерным стандартом исследователи понимают различия предписаний по признаку пола, влекущие за собой структурное неравенство групп, выделяемых по гендерным признакам, прежде всего мужчин и женщин. В сфере (гетеро)сексуальных отношений двойной стандарт предполагает, что нормы мужской сексуальности являются более либеральными, чем нормы женской. При патриархальном гендерном устройстве общества женская сексуальность жестко контролируется семьей, сообществом и государством; она нормативно связана преимущественно с репродукцией, от женщин требуются «чистота» и «верность». На мужчин эти нормы распространяются в гораздо меньшей степени. Гендерное неравенство в сексуальной сфере означает иерархию статусов, при которой женские сексуальные потребности считаются вторичными по сравнению с мужскими. В постпатриархальных западных обществах, переживших сексуальную революцию и существенные изменения гендерных ролей, сфера сексуальности становится относительно автономной областью удовольствия и рационального выбора, ответственного отношения к сексу и планирования репродуктивного поведения, выравнивания гендерных стандартов. Происходит «повсеместное резкое уменьшение поведенческих и мотивационных различий между мужчинами и женщинами в возрасте сексуального дебюта, числе сексуальных партнеров, проявлении сексуальной инициативы, отношении к эротике и т. д. Положение в разных странах зависит... от степени социального равенства полов» (Кон, 2002: 28).

Однако социальное равенство полов, продвигаемое в публичной сфере, не уничтожает полностью неравенства и гендерного конфликта в сфере приватной жизни и сексуальности. У. Бек пишет о характерной для Европы «глубокой нестабильности, уязвимости и “воору-

---

При написании данной статьи были привлечены некоторые материалы из проекта «Новый быт» (2004–2005 годы, финансовая поддержка Финской АН), а также материалы из исследования сексуальности в Санкт-Петербурге в 1995 г. (см.: Здравомыслова, Тёмкина, 2002а).

женной растерянности” мужчин и женщин, противостоящих друг другу в буднях брака и семьи» (Бек, 2000: 148). Это объясняется тем, что приватная сфера, включающая и сферу интимных отношений, является консервативной. Изменения в ней происходят неравномерно и не прямо повторяют тенденции изменения гендерного устройства публичной сферы. В сфере интимных отношений создаются и воспроизводятся натурализованные гендерные различия (т. е. те различия, которые признаются природными и естественными).

Здесь мы обратимся к вопросу о том, как меняются гендерные отношения в сексуальной сфере в современном российском обществе, которое пережило радикальные изменения, обозначаемые метафорой «сексуальная революция».³ В западных обществах сексуальная революция 1960—1970-х гг. была связана с институциональными (в первую очередь с развитием рынка контрацепции) и политическими изменениями (с феминистским и другими политическими движениями), с общественными дебатами (Rotkirch, 2000; Кон, 2002; Гидденс, 2004). В России изменения в повседневности опередили публичную артикуляцию и изменения институтов. Применительно к России исследователи выделяют два этапа радикальных изменений в сфере сексуальности (Rotkirch, 2000: 24). Первый этап, или «*сексуальная революция в повседневности*», пришелся на позднесоветский период и был связан с либерализацией сексуальных практик. Второй этап, или «*дискурсивная сексуальная революция*», начался в период перестройки/гласности и был ознаменован артикуляцией сексуальности в публичных дискурсах и ростом институциональной рефлексивности по отношению к сексуальным практикам.

---

³ Под «сексуальной революцией» в западных индустриальных обществах понимают радикальные изменения практик и дискурсов, произошедших в 1960—1970-е годы. И. Кон указывает, что тенденции сексуальной либерализации являются сходными для большинства индустриальных обществ. К ним относятся более раннее сексуальное созревание и пробуждение эротических чувств у подростков и начало сексуальной жизни; социальное и моральное принятие добрачной сексуальности и сожителства; сужение сферы запретного в культуре и рост общественного интереса к эротике; рост терпимости по отношению к необычным, вариативным и девиантным формам сексуальности; увеличение разрыва между поколениями в сексуальных установках, ценностях и поведении, а также уменьшение двойных гендерных стандартов (Кон, 1997, 2005).

В позднесоветский период разрыв либеральных практик сексуальной жизни и репрессивной советской идеологии по отношению к сексуальности приобрел системный и рутинный характер, что позволило исследователям назвать такую сексуальность «лицемерной» (Zdravomyslova, 2001). На фоне публичного умолчания сексуальности менялись повседневные практики. Официально декларировалась норма моногамной советской семьи, в повседневности добрачный и внебрачный секс был широко распространенным и среди мужчин, и среди женщин. Происходило постепенное изменение норм женской сексуальности, которая теряла эксклюзивно репродуктивный характер, но относительно которой сохранялся двойной стандарт. Наши предыдущие исследования показали, что в позднесоветский период мужчинам и женщинам приписывались разные сексуальные потребности, сексуальность репрезентировалась как гендерно поляризованная и иерархизированная. В повседневности утверждалась сексуальная активность и биологическая полигамность мужчин, относительная пассивность женской сексуальности (Тёмкина, 2001, 2002; Здравомыслова, Тёмкина, 2007). Гендерная поляризация воспроизводилась и в сфере репродуктивного поведения. Аборты и роды считались *исключительно*, а использование контрацепции — преимущественно женскими практиками (как в браке, так и вне брака); устройство социальных институтов и гендерные стереотипы способствовали дистанцированию мужчин от данной сферы жизни (Бараулина, 2002).

Для второго этапа изменений — периода перестройки — характерен рост институциональной рефлексивности в отношении либеральных сексуальных практик, т. е. доступность экспертного знания, масс-медийное и рыночное обеспечение потребностей, возникающих в сексуальной сфере, институциональная поддержка репродуктивного планирования и пр. Сексуальность озвучивается в публичных дискурсах как сфера удовольствия и риска, повышается значимость сексуальной привлекательности, которая становится ресурсом, увеличивающим жизненные шансы индивидов. В повседневности получают распространение гедонистические и рыночные сценарии сексуальности (Тёмкина, 2002). Как и на первом этапе, сохраняется двойной гендерный стандарт (Rotkirch, Haavio-Mannila, 2000; Тёмкина, 2001, 2002; Здравомыслова, Тёмкина, 2007).

Исследования выявляют противоречивые тенденции. Фиксируется рост толерантности в отношении добрачных связей как для муж-

чин, так и для женщин, но одновременно сохраняется меньшая терпимость в отношении женских супружеских измен по сравнению с мужскими (Анурин, 2000: 92; Здравомыслова О., 2003: 81–83 и пр.; Анурин, 2004; Кон, 2005: 296). С точки зрения С. Голода, массовые опросы выявляют следующую тенденцию: «С одной стороны, прорисовывается специфика каждого из полов, с другой — их поведение сближается по мужскому традиционному варианту» (Голод, 1996: 95–96). На основе данных опроса в Санкт-Петербурге (1996) Э. Хаавио-Маннилла и А. Роткирх показывают гендерную поляризацию в практиках внебрачных связей и в отношении к ним. Такая поляризация связана с постсоветским акцентированием *различий* полов. Вместе с тем молодые люди по сравнению со старшими более гендерно эгалитарны в оценке женской сексуальной активности и принятии гомосексуальности. Сравняя процессы либерализации сексуальности в Финляндии, Швеции и России, авторы описывают общую тенденцию к эгалитарности или выравниванию гендерных стандартов (Haavio-Mannila and Rotkirch, 2005).

На этом этапе роста институциональной рефлексивности «сексуальная революция» в России остается незавершенной, поскольку по-прежнему сохраняется двойной гендерный стандарт. По мнению И. Кона и других исследователей, «сексуальная революция» на Западе была прежде всего женской революцией,⁴ в ходе которой значительно изменились интерпретации и практики женской сексуальности и стало ослабевать гендерное неравенство (Кон, 2002). Признание гендерных различий сопровождалось развитием дискурса равных возможностей.

В данном контексте нас интересует, происходит ли в настоящее время в России (начало XXI в.) третий — *гендерный* — этап сексуальной революции, следующий за поведенческим (1970–1980-е гг.) и дискурсивным (1990-е)? Далее мы обращаем внимание в первую очередь на изменения в практиках женской сексуальной жизни, поскольку именно с ее регулированием связано воспроизводство гендерного неравенства в сфере сексуальности. Преодоление двойного гендерного

---

⁴ Меняются и представления о мужественности, и предписания мужчинам в сфере сексуальных отношений: «Современные молодые женщины ожидают от своих партнеров не только высокой потенции, но и понимания, ласки и нежности, которые в прежний мужской джентльменский набор не входили» (Кон, 2002: 28).

стандарта предполагает в первую очередь либерализацию поведения женщин и открытость общества к новым образцам поведения. Однако гендерные изменения очевидно касаются и мужчин, практики которых соотносятся с изменениями в позиционировании женщин.

Эмпирически о радикальных гендерных изменениях в сфере сексуальности в начале 2000-х гг. свидетельствуют следующие тенденции:

— Рационализация, контроль и планирование женщинами своей сексуальной жизни, повышение активности и компетентности женщин в сфере сексуальных отношений, ответственное отношение женщин к репродуктивному здоровью, позиционирование женщинами себя в качестве субъекта сексуального желания и удовольствия.

— Распространение ответственного отношения мужчин и женщин к сексуальным практикам.

— Ориентация на партнерство в сексуальных отношениях.

Автономизация женской сексуальности, ее отрыв от репродукции и «женской судьбы» окончательно легитимированы в России. В начале 2000-х гг. это признается как женщинами, так и мужчинами.⁵ Происходит выравнивание гендерных стандартов, повышается значимость партнерства. Однако эти тенденции захватывают общество неравномерно. Они отчетливо выражены у образованного городского слоя и проявляются в разных сферах жизни (в сфере межличностных взаимодействий, в разделении домашнего труда, в распоряжении деньгами, в воспитании детей и пр.), в том числе и в сексуальной. Сексуальное взаимодействие и репродуктивные практики описываются партнерами как предмет планирования и переговоров, учитывающих индивидуальные различия и взаимные потребности. Например, совместное принятие решения о рождении ребенка, включенность отца на всех стадиях беременности и участие в родах означает частичное преодоление гендерной поляризации (разрыва между «женским» и «мужским» миром) в репродуктивной сфере, выработку средств постоянной коммуникации между партнерами. Это может приводить

---

⁵ Разделенность сексуальной жизни и брака отмечалась почти всеми нашими информантами. Однако, разумеется, у молодых людей существуют и другие мнения. Например: *«Все-таки я придерживаюсь того идеала, что не должно быть... сексуальных отношений до брака, потому что это, я считаю, что это отношения, разрушающие личность человека, а не создающие ее»* (Оксана, 25 лет).

к гендерному выравниванию представлений о родительских ролях и практик по уходу за ребенком (Ангелова, 2005).

Однако на фоне рационализации и либерализации сексуального поведения сохраняется гендерная поляризация женского и мужского миров, или гендерные границы. Культурная поло-типизация практик в условиях гендерного неравенства означает, что женские практики и сферы компетентности обладают более низким статусом по сравнению с мужскими. О. Здравомыслова на основе исследований, проведенных в 1990-е гг., анализирует гендерные границы, устанавливающие различия и конфликтные зоны в отношениях мужчин и женщин. Как показывает автор, сущность многих гендерных практик в современной России, несмотря на модернизацию, остается традиционной. Замкнутость границ мужской и женской культур способствует конфликтности отношений и неразвитости партнерства. Существуют практики, по поводу которых идет «борьба полов» за их поддержание и переопределение. Такие практики относятся в том числе к сфере сексуальной свободы (Здравомыслова О., 2003: 80–82). Наш эмпирический материал также показывает, что в настоящее время гендерная поляризация в сфере сексуальности сохраняется. Признается приоритет мужских сексуальных потребностей над женскими; большинство репродуктивных практик (использование контрацепции, практики беременности и деторождения, забота о репродуктивном здоровье) считаются сферами женской ответственности, из которой молодые мужчины самоустраиваются или в которую они не допускаются так же, как и их отцы. От мужчин ожидается выполнение традиционных ролей материального обеспечения (добытчика или спонсора) и обеспечения безопасности. От женщин — материнство и домашнее обслуживание семьи и мужчины.

Далее на материале проведенных исследований мы рассмотрим гендерные изменения, которые связаны с активной и рациональной позицией женщины и формированием партнерства в сексуальных отношениях. Затем мы реконструируем пассивное позиционирование женщины, отношение женщин и мужчин к сексуальной жизни как к судьбе и воспроизводство гендерной поляризации и гендерных границ. Исследования трансформации сексуальной жизни помогут нам понять тенденции изменения гендерного порядка в целом. Сексуальная жизнь для нас — это часть повседневности, признанная, легитимная часть быта. Изменения сексуальности, изменения быта, изменения гендерного порядка — вот понятийная цепочка, которая организует наши рассуждения.

В данном исследовании речь идет о современном этапе сексуальной революции, поэтому в центре внимания — биографии наиболее молодых информантов, собранные весной 2005 г. в Санкт-Петербурге и Челябинске (11 женщин в возрасте 19–26 лет, 7 мужчин в возрасте 17–26 лет). Наши информанты относятся к постсоветскому поколению. Их годы рождения приходятся на начало 1980-х гг., формативные годы сексуальной жизни — на вторую половину 1990-х гг., т. е. на период дискурсивной революции. Как возрастная группа, эти люди находятся в стадии поиска в сфере сексуальных отношений и обретения опыта и знаний. По социальному составу информанты — это студенты, аспиранты, секретари, менеджеры низшего звена, недавно работающие специалисты, безработные. В выборку включены люди с высшим образованием (или обучающиеся в вузах — 14 человек) и без высшего образования (4 человека). Из восемнадцати опрошенных двое недавно женаты, у одной информантки есть ребенок.

Сексуальная жизнь как проект и партнерские отношения

Я сама готова нести за это [сексуальные отношения] ответственность. За этот шаг, за эти последствия.

Из интервью

Это [секс] нужно не только тебе, но и мне.

Из интервью

В биографиях представителей самой молодой возрастной когорты четко очерчиваются рамки новой женской субъектности и рационального⁶ отношения к сексуальной жизни. Как указывает Э. Гидденс,

⁶ «Способность человека действовать рационально, т. е. способность человека в своих повседневных делах рассчитывать, действовать обдуманно; выработать альтернативные планы действий; заранее определять условия, в которых он последует одному или другому плану; при выборе средств отдавать предпочтение наиболее эффективным; придавать значение прогнозируемости событий, предпочитая при этом «некоторый элемент неожиданности»; отдавать предпочтение предварительному анализу альтернатив и последствий перед импровизацией; придавать большое значение вопросу о том, что необходимо сделать и как; осознавать, осуществлять выбор и

характеристикой современных интимных отношений является добровольный выбор из различных возможностей, необходимый для осуществления рефлексивного проекта собственной жизни (Giddens, 1991: 87–88). Современные молодые женщины в России стремятся к контролю над своей жизнью, в том числе сексуальной. Контроль обеспечивается обретением знаний, превентивной заботой о здоровье, планированием сексуального дебюта, выбором партнера (мужа), «работой над оргазмом», информированным использованием контрацепции, планированием и организацией рождения детей и пр. Такие женщины знают, чего они хотят в своей сексуальной жизни и в жизни в целом, и как этого добиться.⁷ Эти женщины обладают экономической и профессиональной независимостью или стремятся к ней.

Современная молодая женщина выстраивает стратегию создания семьи. Она определяет те обстоятельства, которые считает необходимыми и достаточными для семейной жизни. Она имеет представление о собственной позиции и о соотношении ролей в будущей семье. С точки зрения двадцатидвухлетней женщины, прежде чем вступить в супружеские отношения, необходимо обеспечить себе карьерный рост и полную экономическую независимость. Нести ответственность за семью должны оба супруга:

Я бы не сказала, что это [семья] сейчас стоит... на моей повестке дня... хочу достигнуть определенного карьерного роста и какой-то определенной финансовой стабильности, и после чего я бы уже думала о семье, хотя... не считаю, что женщина должна быть тем человеком, который содержит семью, но, собственно... надо быть абсолютно независимой (Людмила, 22 года).

стремиться к нему: настаивать на «детальной» в противовес «обобщенной» характеристике ситуаций, расцениваемой в качестве важной и реалистической информации, и так далее — причем эта способность базируется на способности человека воспринимать как нечто само собой разумеющееся, принимать на веру широкий диапазон характеристик социального порядка» (Гарфинкель, 2007: 179).

⁷ Данный достаточно новый для России феномен с трудом воспринимается средним и старшим поколением, ориентирующимся на патриархатную риторику. Сексуально активная женщина воспринимается в качестве угрозы гендерному устройству общества, и возникают самые разнообразные протесты — от определения женщины как «стервы» и роста области «стервологии» до агрессивной критики феминизма (см., например: Никонов, 2005).

Женщина готова нести ответственность за свою репродуктивную и сексуальную жизнь. Для этого ей необходима соответствующая информация. Она осваивает специальную литературу, планирует репродуктивное поведение, контролирует свое здоровье, регулярно посещает гинеколога, предохраняется от нежелательной беременности и заболеваний. Она становится социально компетентным агентом в поле сексуальных взаимодействий. Наша информантка рассказывает:

Я тщательно проштудировала всю литературу, какую только возможно, по поводу контрацепции. Более того, мне оказалось мало, я пошла к нескольким разным врачам на прием, вот, и все они мне сказали совершенно разные вещи... Я поняла, что я сама, главное, я сама готова нести за это [сексуальные отношения] ответственность. За этот шаг [дебют], за эти последствия (Алёна, 22 года).

Женщина выступает инициатором использования контрацепции, на что соглашается (или не соглашается) мужчина:

Когда было в первый раз, я сразу поставила, что я без презерватива не хочу и ничего делать не буду. Вот. Он, собственно, согласился и все, и сейчас это в порядке вещей (Наташа, 22 года).

Она выступает инициатором контроля сексуального здоровья пары, настаивает на том, чтобы партнер также гарантировал свое здоровье:

Перед тем как, там, заняться со мной сексом, он сдал кучу анализов, что он здоровый... Он не мог мне перечить. ...Он не мог мне сказать — нет. А как? Я так хочу! Я вот, я вся чистая, здоровая, и все, и я хочу быть уверена в тебе. Вот у тебя, там, куча, немерено этих женщин было... (Яна, 19 лет).

Для этих женщин характерно изменение отношения к абортam. Аборты перестают быть травматичными с медицинской точки зрения, но одновременно они утрачивают свойства рутинизированной нормальной практики. К этому средству контроля репродукции прибегают гораздо реже по сравнению с советским временем, отношение к абортam становится более негативным. Проблематизация абортов выражается в разной форме — от вреда здоровью до совершения

убийства (подобная интерпретация практически отсутствовала в советское время). Появляются категории «вины», «стыда», «греха», «некультурности», связанные с прерыванием беременности. Контрацептивная культура перестает быть абортной, хотя нежелательные беременности и аборт все еще остаются распространенным опытом (см.: Здравомыслова, 2005).

Признается (и осознается) наличие у женщины сексуальных потребностей. Женщина стремится испытывать сексуальное удовольствие, оргазм, обсуждает это с партнером, «работает» над достижением удовольствия. Оргазм становится одной из важных целей сексуальных отношений.⁸ В дискурсе появился нарратив об оргазме, который воспроизводится в биографических историях (озвучивается ценность оргазма, способы его достижения, сравнение разных типов, интенсивности, качества и пр.). Истории о женском оргазме в качестве инструкций широко представлены в масс-медийной продукции. Женщина не видит смысла в имитации сексуального удовлетворения и расстается с тем партнером, с которым не достигает оргазма. Она считает, что невозможность достигнуть удовлетворения, обсудить эту проблему с партнером и найти определенный способ ее решения является показателем низкого качества отношений в целом. Это показатель отсутствия заинтересованности друг в друге и недостатка доверия между партнерами. Она отказывается от одностороннего сексуального обслуживания, не приносящего ей удовлетворения. Такие отношения не имеет смысла сохранять. Приведу характерные цитаты.

...Мы с ним начинаем заниматься сексом, проходит пять минут, и я говорю: «Все. Давай. Хватит». Он такой: «Что?» Я такая: «Все, я не хочу. Мне не интересно»... Никаких... ощущений. Я такая:

---

⁸ Французский социолог А. Бежен пишет о том, что современная сексуальность становится «рационализированной», «финализированной», «технизированной», «профессионализированной», ее «стали характеризовать по одному из ее результатов, частому, но не строго необходимому, а именно — по удовольствию, которое она может доставить», в ней ведется постоянный учет сексуального удовольствия (Бежен, 1997: 15–16). «Оргазм становится одновременно и почти неизбежным атрибутом и эталоном измерения сексуального удовольствия» (Там же: 17). Учет сексуального удовольствия говорит о распространении целерациональности на сферу сексуальности.

«А чё?» Чтобы он получал удовольствие? Я не готова, чтобы удовлетворять какого-то мужчину. Ты вот не можешь, вот, доставить мне удовольствие? Все, давай, пока. Как бы, мне это не интересно (Яна, 19 лет).

Это глупо, когда женщина начинает симулировать оргазм... Если у вас какие-то близкие отношения, если он не может тебя довести до оргазма, простите, это проблема, это надо решать, надо что-то делать, надо друг о друге заботиться... ты всю жизнь так и будешь ходить неудовлетворенной? Смысл? У вас же и отношения из этого будут строиться совершенно другие, потом это же означает, что вы друг другу как-то не особо доверяете, зачем ты будешь симулировать оргазм? Ты не доверяешь ему, ты не можешь ему сказать, ты знаешь, дорогой, мне это не нравится, а попробуй со мной сделать это, я хочу так вот (Виктория, 24 года).

Допускается проявление женщиной инициативы в сексуальных отношениях. Она выбирает партнера, контролирует время и ситуацию сексуального дебюта. Она ищет подходящего сексуального партнера: любовника/мужа/отца ребенка в перспективе. Она обладает высоким уровнем рефлексии, свободно рассказывает о том, что ее устраивает или не устраивает в конкретных сексуальных отношениях. Сексуально эмансипированная женщина часто является и инициатором разрыва, и в этом она сходна с «поколением матерей» (поколением поведенческой революции). Однако причиной разрыва может быть то, что молодую женщину не устраивают собственно сексуальные отношения. Такая мотивация в поколении матерей встречалась гораздо реже.

Женщины, сознательно выстраивающие свою сексуальную жизнь, ориентируются на **партнерство**. Такие отношения предполагают взаимную заинтересованность, равноправие, наличие обоюдных сексуальных потребностей и переговоры по поводу отношений. Информантка рассказывает:

Я всегда, вступая с кем-либо в половую связь, я, как бы, стараюсь расставлять такие акценты, что это нужно не только тебе, но и мне. И поэтому это как-то: никто здесь не подчиненный, и никто здесь не оплачивает и не оплачиваем, то есть как-то это все на взаимовыгодных каких-то моментах построено (Людмила, 22 года).

Партнеры должны быть одинаково информированы или вместе приобретать необходимые знания. Предохранение, беременность не считаются эксклюзивно «женскими проблемами». Как полагает одна из информанток, в процессе сексуального просвещения нужно особое внимание уделять мальчикам, они должны знать не только, как функционирует их тело, но и особенности женского организма.

Мальчики, например, тоже должны знать, я не считаю, что, если вот девочка залетела... это не только проблема девочки. О том, что, как надо предохраняться, это не только проблема девушки. О том, что у девушки, оказывается, бывает менструация, это не только девушка должна об этом знать (Виктория, 24 года).

Для партнерских пар характерен коммуникативный сценарий сексуальных отношений, в нем сохраняются те основные характеристики, которые были описаны для старшего поколения (а именно — значимость взаимопонимания, дружбы, общения, взаимных интересов, общего круга, нацеленность на совместные действия и эмоциональный контакт — Тёмкина, 2002). Однако по сравнению со старшими поколениями отношения становятся более рефлексивными, а сексуальная сфера — более артикулированной. Коммуникативный сценарий молодых людей и девушек включает обсуждение вопросов сексуальной сферы и взаимодействий, знание сексуальных потребностей друг друга, признание значимости сексуального удовольствия в равной степени для обоих партнеров. В целом партнерские отношения противостоят двойному стандарту.

Молодые мужчины в этом случае так же, как и женщины, стремятся учесть индивидуальные и взаимные потребности в сексуальных отношениях, заботятся о безопасном сексе и предохранении от беременности, планируют семью и воспитание детей и пр. От них ждут ответственности за разные стороны интимной жизни, в том числе заботы о сексуальном удовлетворении партнера, использовании контрацепции и ориентации на безопасность в сексуальных отношениях. Такой мужчина знает сексуальные потребности подруги, заботится о ее самочувствии, «работает» над ее оргазмом и пр. Для мужчин становятся нормальными переговоры по поводу сексуальных чувств и практик, использование эффективной контрацепции, забота друг о друге. Эмпирические данные показывают, что часто

молодые мужчины ответственно относятся к сексу и пересматривают взаимоотношения под влиянием или давлением девушек, а не по собственному выбору.

Рассмотрим, каким образом в партнерских отношениях выстраиваются контрацептивные практики и практики репродуктивного поведения, как происходит накопление знаний и опыта, как осуществляется сексуальное взаимодействие между женщиной и женщиной, какое место во взаимодействиях занимает сексуальное удовольствие и удовлетворение.

Пара обсуждает сексуальный дебют или начало интимной жизни, при этом важным считается мнение женщины. Информантка рассказывает: «*[Я] ему объяснила, что должно пройти какое-то время, что не сразу все. Он, как бы, понял все и сказал: "...когда скажешь сама, тогда и будет"*» (Ирина, 20 лет). Ирина и ее партнер совместно приняли решение о том, чтобы проверить свое здоровье перед началом половой жизни и осуществили этот план. Аналогичную историю о начале сексуальной жизни рассказали нам и некоторые другие женщины. Ирина продолжает рассказ об освоении сексуальных знаний со своим гражданским мужем, о превращении этого процесса в игру, доставляющую удовольствие им обоим.

— *Кино? Ну, изредка. Так... книжки мы читаем, вместе [смеется]. Вслух.*

— *Вслух, да? Какого типа?*

— *...«Эммануэль» мы читали. А так — мы читаем обычно вслух «Как побить сексуальную скуку», допустим, пособия различные, такого содержания.*

Эта пара обсуждала начало интимных отношений, предохранение, они вместе посетили врача, приняли решение об использовании гормональной контрацепции, которое устроило их обоих. Регистрацию брака и рождение ребенка они откладывают до окончания учебы и собираются предпринять меры по улучшению здоровья перед зачатием. В совместном быте у них нет гендерно маркированного разделения труда, Ирина говорит о совместности всех интересов и действий. Она не понимает, как партнер мог бы сделать что-то, не поставив ее в известность: «*Я не представляю, как так, что мой муж не обсудил со мной даже покупку каких-то элементарных джинсов... это все у нас обсуждается в семье*». Однако инициатором равноправия выступает

она, и иногда ей приходится преодолевать сопротивление партнера: *«Я приветствую равноправие. Ну, мне очень нравится, что я... я не считаю, что я должна быть беременная, босая, в кухне, он мне очень помогает»*. Заметим, что логика развития партнерских отношений предполагает, что мужчина ориентируется на участие в родах, однако в данном случае этого не происходит. Ирина сама не хочет присутствия мужа, опасаясь, что он потеряет к ней сексуальный интерес. Для нее роды остаются эксклюзивной женской практикой. Мы делаем вывод, что эгалитарные сценарии отношений не являются когерентными, хотя во многих историях присутствуют фрагменты партнерских отношений.

Приведем еще один пример. Молодой мужчина, Дмитрий (22 года), рассказывает о том, как со своей постоянной девушкой они экспериментировали в технике секса, обсуждали взаимные ощущения и предпочтения. При подозрении на беременность партнеры предприняли ряд совместных шагов: *«мы купили тест в аптеке», «мы решили, что не готовы еще иметь детей», «мы прошли курс лечения... и сделали аборт»*. Частную клинику нашел сам Дмитрий, а для оплаты аборта продал свою дорогую куртку. После этого, пережив разные трудности, они стали использовать более надежную контрацепцию, в том числе гормональную. После распада гражданского брака у Дмитрия бывают случайные партнерши, в отношениях с которыми он всегда пользуется презервативами. По его словам, к предохранению он относится серьезно: *«Я не буду рисковать и все равно одену презерватив»*. В его суждениях выражена установка на эгалитарные отношения. Дмитрий считает, что женщине необходим секс как удовольствие, в частности, если она развелась, то *«имеет право жить с другим мужчиной, получать кучу удовольствия»*.

Молодые мужчины говорят о значимости удовольствия для женщины. Информанты убеждены, что *«и мужчины, и женщины обязаны работать... над тем, чтобы оргазм был гораздо выше»* (Пётр, 20 лет). Пётр говорит также и о том, что считает себя обязанным помогать девушке в ситуации нежелательной беременности. Другой молодой человек, имея в виду женский оргазм, говорит: *«Надо бороться за качество... тем или иным способом, но этой кульминации добиться надо»* (Владимир, 26 лет).

Ориентация на партнерство присутствует в рассказах многих молодых женщин и мужчин 1980-х гг. рождения, которые существенно отличаются от поколения матерей и отцов. Тенденция к партнерству

в сексуальной сфере, отношение к сексуальной жизни как к совместному рефлексивному эгалитарному проекту свидетельствуют о том, что в сфере сексуальности происходят существенные изменения. Эти изменения отчасти обеспечены институциональной поддержкой — доступом к экспертным знаниям, насыщенным рынком контрацепции, медицинским обслуживанием. Они связаны также с повышением ценности экономической и профессиональной независимости для многих молодых женщин. Однако трудно сказать, обладают ли эти тенденции устойчивостью. Партнерские отношения являются достаточно хрупкими в гендерной культуре современной России. Росту активности и инициативности женщин противостоит дискурсивный поток, прославляющий традиционную поляризацию женственности и мужественности⁹ и советское наследие разделенных гендерных миров.

---

⁹ В результате гендерные «идеалы» включают как традиционные, так и эгалитарные качества. «Идеальный мужчина», в соответствии с описаниями в интервью, выполняет одновременно две функции — инструментальную и эмоциональную. Он зарабатывает деньги, обеспечивает безопасность и одновременно оказывает эмоциональную поддержку жене/партнерше, не предъявляя к ней тех требований, которым она не хочет или не может соответствовать. Женщине предоставляются широкие возможности выбора. Она может работать и быть активной в публичной жизни (при этом статус ее работы и доход ниже, чем у мужчины). Однако она может себе позволить не работать, т. е. ее занятость мотивирована ее потребностями и выбором, а не экономической необходимостью при наличии богатого мужа / партнера. Этот идеальный тип отношений предполагает, что компетенция в сексуальной жизни разделяется обоими партнерами, мужчина заботится о сексуальном благополучии женщины, он имеет соответствующие знания и намерения. Такой мужчина обладает большими ресурсами и более высоким экономическим статусом, чем его партнерша, его социальная позиция позволяет эффективно осуществлять материальную поддержку. Одновременно, как субъект сексуальных отношений, он активен, заинтересован и компетентен. В советские времена женщины описывали такого партнера как «редкий счастливый случай» и «необыкновенное везение» (Тёмкина, 2001, 2002). Сейчас отношения такого типа дискурсивно выступают идеалом для многих женщин, хотя в практической жизни они остаются достаточно редкими и фрагментированными.

Сексуальная жизнь как судьба и гендерная поляризация

Женщинам лучше об этом знать...
им же рожать.

Из интервью

Они [мужчины], сволочи, как бы,
думают только о себе.

Из интервью

Другая модель сексуальной жизни современной молодой женщины имеет гораздо большую преемственность по отношению к советскому периоду. Напомню некоторые особенности биографий поколения «матерей» наших информанток (женщин 40–50 лет, 1960-е гг. рождения) — поколения поведенческой сексуальной революции, которые были описаны нами в предыдущих исследованиях (Тёмкина, 2001, 2002; Здравомыслова, Тёмкина, 2002а).

Во-первых, женщины этого поколения (так же, как и предшествующих) позиционируют себя в сексуальных отношениях как реципиенты. В нарративах они описывают себя как пассивных, не обладающих изначально сексуальным желанием, а лишь отвечающих на него. Многие из них испытывали сложности и дискомфорт в сексуальных отношениях. Ситуацию мог изменить только «счастливый случай» — опытный и заинтересованный возлюбленный, который обучает женщину, с помощью него она познает свое тело. Такая женщина не проявляла выраженной инициативы, сексуальные отношения в ее жизни либо складываются «сами собой», либо инициируются партнером.

Во-вторых, эти женщины не имели достаточных знаний и компетенции в сфере сексуальных отношений и не выстраивали специальной стратегии их обретения; знания приобретались спонтанно и ситуативно. Женщины часто пользовались недостаточно надежными народными средствами предохранения, модальный репродуктивный сценарий предполагал опыт абортов.

В-третьих, стратегия сексуального/репродуктивного поведения женщин старшего поколения чаще всего является спонтанной и «естественной». Цели не эксплицированы, способы достижения не являлись предметом рефлексии. Отношения складывались «сами собой», они не подлежали расчету, воспринимались как судьба или стечение

обстоятельств. Влюбленной романтической женщине претили рациональные расчеты в сексуальном поведении. В отношении контрацепции и заболеваний она часто полагалась либо на партнера, либо на «случай» и «судьбу», либо на «народные знания» и опыт подруг. Не были распространены практики превентивных проверок сексуального и репродуктивного здоровья, к врачу чаще всего обращались, когда уже наступила беременность или возникла проблема со здоровьем. Женщины часто испытывали трудности с оргазмом и имитировали его в сексуальных отношениях. Тема сексуального удовлетворения редко подлежала обсуждению между партнерами.

Такое позиционирование характерно и для женщин 1970-х гг. рождения, несмотря на то, что их формативные годы пришлось на период дискурсивной революции, когда получили распространение рыночные, гедонистические и коммуникативные сценарии сексуальности. Женщины либо оставались объектом сексуальной инициативы мужчин, либо их активная позиция в сфере сексуальности не имела достаточной легитимности. Гендерная идентичность «сексуально раскрепощенной» женщины находилась под угрозой как не соответствующая массовым общественным ожиданиям. Про себя одна из таких женщин говорила, что ее считают «феминисткой», «дрянной бабой», «дьяволом в женской юбке» (Здравомылова, Тёмкина 2002б: 557). И в настоящее время не всегда и не везде сексуальная эмансипация женщин обладает легитимностью. В интервью некоторые молодые женщины, имеющие многочисленных партнеров и проявляющие активность, пытаются убедить слушателя в том, что они не являются «шлюхами» («я никакая там не шлюха» — Яна, 19 лет).

Сексуальная жизнь многих советских женщин может быть охарактеризована как «судьба», когда женщины мало что выбирают и от них немного зависит.¹⁰ Альтернатива нежелательной беременности сводилась к абортam, при этом в условиях патриархата и карательной медицины женщинам приходилось «дорого платить» за сексуальную свободу, не подкрепленную знаниями и доступными средствами пре-

---

¹⁰ Сходную интерпретацию предлагает Л. Мягкая при анализе автобиографических устных историй русскоязычных женщин Таджикистана старшего поколения. Автор показывает, что у многих пожилых женщин звучит «тема “судьбы” как их горькой доли, которую нельзя изменить, которая каким-то образом была предопределена им “свыше”» (Мягкая, 2005: 139).

дохранения (Здравомыслова, 2005). Женщины полагаются либо на мужчину, либо на природу, либо на поддержку социальных сетей (блатные врачи, опыт подруг и пр.). Во многом сходные ориентиры представлены и в биографиях некоторых молодых женщин и мужчин 1980-х гг. рождения. Женщинам не удается взять свою сексуальную жизнь под полный контроль. Поиск подходящей контрацепции не всегда приводит к результату, им не удается контролировать здоровье, не хватает знаний, планирование репродуктивных практик оценивается как неэффективное и бессмысленное. Ситуация осложняется и тем, что эмоциональную сферу и управление чувствами трудно взять под полный контроль, хотя эмоции и регулируются определенными правилами (Hochschild, 1983). Контроль над сферой чувств и сексуальности становится особенно значимым в связи с осмыслением новых рисков (СПИД, ЗППП, пр.) и с расширением рамок свободы и ответственности. В отличие от поколения матерей эти девушки не находятся в ситуации информационного дефицита и недостатка институциональной поддержки, однако их сексуальная жизнь во многом определяется внешними обстоятельствами. Такие траектории присутствуют во всех классах, и мы можем предположить, что различие в отношении к сексуальной жизни соответствует двум типам биографических нарративов. Сексуальная жизнь как проект вписывается в стратегически ориентированный, рациональный жизненный проект. Сексуальная жизнь как судьба — в жизнь, которая стратегически не планируется, а контроль над обстоятельствами имеет ситуационный характер.

С точки зрения некоторых молодых информантов, деторождение планировать бессмысленно: *«дети — это богово дело. И их не обманешь ни противозачаточными, ни презервативами»*.¹¹ Столь же бессмысленно контролировать здоровье: *«врач — это потеря»* (Анна, 26 лет). Секс не столько приносит удовольствие, сколько создает проблемы (сложности в предохранении и в коммуникации с партнером, отсутствие необходимой информации, нежелательные беременности, заболевания, неудовлетворенность сексуальными и личными отношениями и пр.).

Большие сложности вызывает предохранение от нежелательной беременности. В использовании контрацепции зачастую сохраняют-

---

¹¹ Здесь речь не идет о религиозных семьях, где отказ от предохранения является целенаправленным действием.

ся «народные» практики и предубеждения против современной гормональной контрацепции. Оральные (гормональные) контрацептивы пугают информанток вредом для здоровья, рисками для внешности (оволосение, прибавка в весе), невозможностью забеременеть в дальнейшем. Некоторые из молодых женщин прибегают к народным средствам — мылу, лимонной кислоте, аспирину, апельсиновым долькам и пр. Приведем пример подобного отношения:

Интуитивно, само собой. Вот. Тогда же я получила опыт этого предохранения, и в итоге просто, не было предохранения в принципе, это когда я засунула внутрь, по-моему, две таблетки аспирина и дольку апельсина, потом три дня не могла ходить, потому что слизистую пережгло напрочь просто (Анна, 26 лет).

Лимонная кислота, что-то там. Я не помню, но как бы щепотка просто разводится, и спринцевание. Либо можно заменить таблеткой аспирина, тоже, как бы, ее разболтать в водичке... нужно кислую, вот, щелочную среду, чтобы кислое такое (Валерия, 25 лет).

На фоне доступного многообразного знания о сексуальности сохраняется дефицит необходимой персонализированной информации. О поиске контрацепции и нехватке информации рассказывает молодая женщина:

Где-то в Интернете час, несколько часов, полдня точно просидела в Интернете, что смогла, то нашла, но там ужасно все написано. То есть я уже, там, я заволновалась, какой там период, какая там [овуляция], что это такое... Я постоянно ощущаю какой-то недостаток знаний, недостаток информации, то есть смешно, хотя не знаю, насколько это смешно... (Виктория, 24 года).

Нехватка информации, отсутствие подходящей контрацепции, как и в советское время, приводят к тому, что безопасность может быть обеспечена лишь при доверии к партнеру и наличии знаний о нем и о его образе жизни:

Но простите, это не совсем люди с улицы, и у тебя есть на каком-то достаточно простом уровне доверие такое, что ты понимаешь, что эти люди, они тоже не совсем беспорядочную половую жизнь ведут (Виктория, 24 года).

Контроль сексуального и репродуктивного здоровья сталкивается с недоверием к врачам, которые, с точки зрения пациентов, реализуя коммерческие интересы, ставят гипердиагнозы относительно генитальных инфекций. Информантки не всегда понимают, были ли у них заболевания и от чего их лечили. При такой позиции оправданным становится как отсутствие предохранения от ЗППП, так и бессмысленность их диагностики и лечения. В дискурсе циркулирует коллективный нарратив о недобросовестных врачах, обращение к которым лишено практического смысла. Истории, аналогичные цитируемой ниже, рассказывают и другие женщины.

Уроды — врачи, негодяи... существует вероятность того, что я, в принципе, ничем и не болела таким страшным. То есть никакими там заболеваниями, передающимися половым путем. А просто люди разводят на деньги, чтобы там дольше лечиться... Ну вот, хотя бы за ежедневное, ну, вот, как бы, за прием. Я же тоже плачу деньги, там, за анализы какие-то. То есть я понимаю, что все эти, там, хламидиоз, там, трихомонады очень сложно обнаружить их, поэтому нужно проводить несколько анализов. Но, там, я не знаю, когда три-четыре анализа делают — у тебя ничего нет, а вот на пятый раз — о! вот оно! Вы больны, любимая. Там все. То есть такие были тоже ситуации не очень приятные. Поэтому сейчас я не уверена, была ли я чем-либо больна или нет (Аня, 25 лет).

В условиях недоверия к экспертам и недостатка экспертной информации попытки найти и использовать эффективную контрацепцию не приводят к желаемому результату. В результате молодые люди либо полагаются на случай, либо ориентируются на *персонализированное доверие* к знакомым людям (как к партнерам, так и к медикам), действия которых могут подлежать мониторингу и контролю. В результате ни предохранение от беременности, ни предохранение от ЗППП не могут быть гарантированы — всегда остается широкое пространство для случайности и действия внешних неподконтрольных обстоятельств. Аборты, случайные беременности и деторождение, вынужденные браки соединяют в себе наследие советского времени, недостаточность современной институциональной рефлексивности (в частности, недоверие к экспертным системам). Двадцатидвухлетняя Алёна замечает:

В России, на мой взгляд, вот в этом планировании все-таки присутствует какое-то идиллическое восприятие, идеализация и хаотичность. Нет логики в этом планировании. Потому что планирование в России, насколько я понимаю, оно отличается от непланирования только фразой: «Давай заведем ребенка» (Алёна, 22 года).

Планирование и организация родов также зачастую срываются из-за внешних обстоятельств, систематически возникают непредвиденные ситуации (например, роддом закрывается раньше срока, врач не выходит на работу, оплачивается один вид услуг, а востребованы оказываются другие, и пр.).

Получение удовольствия от сексуальных отношений является для женщин проблемой. Не всегда партнер является заинтересованным в качестве сексуальных отношений, хотя в большинстве случаев и мужчины, и женщины говорят о необходимости удовлетворения и взаимном удовольствии. Имитация оргазма продолжает оставаться распространенной женской практикой. Между женским и мужским миром существует также проблема «эмоционального обмена», когда и мужчины, и женщины устраниваются от эмоциональной поддержки и заботы друг о друге. Мужчины исключаются из эмоциональной работы как не соответствующей мужской роли, они не обладают достаточными навыками и компетенцией. Женщины отстраняются от эмоциональной поддержки партнера в процессе индивидуализации и субъективации (ср.: «похолодание отношений» и утрата навыков заботы в описании Арли Хохшильд — Hochschild, 2003). Информанты в своих рассказах описывают **поляризацию/сегрегацию гендерных миров** и систематически воспроизводимые сложности коммуникации между этими мирами.

У многих молодых мужчин (так же, как и у некоторых девушек) сексуальная жизнь на стадии формирования является спонтанной и ситуативной. Фатализм и отсутствие контроля над жизнью — характерные особенности многих мужских нарративов. «Свою интимную жизнь я пустил на самотек», — говорит Николай (24 года). Юноши проявляют меньшую социальную компетентность и информированность по сравнению с девушками данной возрастной группы. Приватная сфера для мужчин вторична по сравнению с публичной сферой, поэтому личная жизнь не рассматривается как предмет постоянного контроля и просчета, в ней допускается фатальность. Недостаток компетенции в интимных отношениях зачастую не проблематизиру-

ется. Некоторые мужчины затруднялись говорить о сексе с партнершей, знания о сексе кажутся им избыточными и навязчивыми (таких случаев не встречалось при интервьюировании женщин). В сексуальных биографиях молодых мужчин субъектность («я» — субъект желания и действия) сочетается с ориентацией на судьбу, обстоятельства, природу.

Репродуктивные и семейные планы молодых мужчин и девушек, ориентирующихся «на судьбу», имеют достаточно расплывчатый и генерализованный вид, сводясь к тому, что в будущем они хотели бы иметь постоянную подругу/друга, жениться, завести детей. Реальное сожителство складывается случайно: «*Мы приняли решение жить вместе, это было абсолютно случайно*» (Дмитрий, 22 года). Намерение «завести ребенка» также описывается как ситуативное. Оно связано со стечением обстоятельств или с внезапно вспыхнувшей страстью. И первое и второе плохо поддается контролю: «*Планирование — это хорошо. Но я считаю, что гораздо лучше, когда ребенок появляется в период горячей любви, в период страсти*» (Николай, 24 года). И в этом мужчины сходны в ориентирах с поколением позднесоветских отцов, а отчасти — и матерей. Однако в отличие от них к молодым мужчинам информация о сексуальной сфере «сама попадает в руки» (часто из порнопродукции), поэтому они не испытывают потребности в специальном поиске. Молодые мужчины редко следуют специальной стратегии предохранения (так же, как у их отцов, исключение составляет предохранение от заболеваний при контактах со случайными партнерами), не знают о различных видах контрацепции, часто избегают пользоваться презервативами, если не настаивает женщина. Превентивный контроль сексуального здоровья они осуществляют преимущественно по настоянию девушек. Молодые мужчины не всегда осведомлены о том, какими средствами предохранения пользуются их партнерши, делали ли они аборт, каковы их чувства и потребности, а также каковы их проблемы и интересы за пределами сексуальной сферы. Для рассказов о сексуальном опыте молодого мужчины характерно «(само)устранение» из многих сфер отношений.

Далее рассмотрим более подробно поляризацию гендерных миров в сфере сексуальности, связанную с «(само)устранением» мужчин из организации сексуально-интимных отношений, со сложностями женской субъективации и с проблемами коммуникации между партнерами. Подчеркнем еще раз, что эта конструкция является одной из

возможных в поведении молодых людей, находящихся в процессе самоопределения сексуально/маритального статуса и социального статуса в целом. Гендерная поляризация особенно заметна в нестабильных или конфликтных отношениях; в стабильных отношениях ее зоны сужаются, а границы между мирами становятся предметом переговоров и изменений. В таком случае, например, контрацепция является предметом согласования, а деторождение остается «делом женщины», в котором мужчина не принимает прямого участия.

Гендерная поляризация (сегрегация) в рассказах молодых людей выражена следующим образом. Различия в ожиданиях и предписаниях мужчинам и женщинам в сфере сексуальных отношений, особенно в сфере репродукции и здоровья, касаются сексуальных потребностей, использования контрацепции, предохранения и лечения от ЗППП, отношения к абортам, планированию деторождения и принятию решения в случае беременности. Гендерные миры разделены границами ролей и предписаний по признаку пола, которые воспроизводят гендерное неравенство. Отстранение мужчин от интимной сферы может приводить к женским депривациям, в результате чего женщины чувствуют себя жертвами обстоятельств и действий мужчин. Мужчины при этом остаются мало компетентными в области репродукции и здоровья и полагают, что могут стать объектом обмана или манипуляции со стороны женщин.

В сфере сексуальных отношений признается, что сексуальные потребности мужчины и женщины различаются, при приоритете мужских и допустимости мужского промискуитета. Более выраженными сексуальными потребностями, с точки зрения информантов обоего пола, обладает именно мужчина. Такая интерпретация предполагает развитие женской стратегии, направленной на удовлетворение мужских потребностей:

Я вообще считаю, что мужчине в сексе отказывать нельзя. Никогда. Э... потому что мужчине это нужно больше, чем женщине... [женщина] больше все-таки эмоции выносит из секса... мужчине необходима именно конкретная физическая разрядка (Анна, 26 лет).

Мужчины выстраивают систему историко-социальных, натурализованных объяснений гендерных различий в сексуальных потребностях и, как их следствие, — различий в интерпретации супружеской неверности. Рассуждает двадцатипятилетний мужчина:

Можешь меня как угодно называть: шовинистом, кем угодно, но скорее — нет, чем — да, и все-таки я объясню, почему, с моей точки зрения, это так... Так сложилось, наверно, в человеческом обществе, что женщина — это... хранительница очага... вокруг нее в большей степени семья и сосредоточена. Мужчина... бегаёт мамонта убивать, а именно женщина поддерживает огонь в очаге, проводит больше времени с потомством... Мужская особь природой и запрограммирована на то, чтобы свои гены распространять как можно шире, и ничего с этим по большому счету не поделаешь... Если рассуждать о природе неверности, скажем супружеской со стороны мужа и со стороны жены, то мы говорим все-таки о разных явлениях. Если имеет место неверность со стороны мужа, то здесь он попросту в какой-то мере находится в плену у своей природы охотника... Когда муж где-то на стороне гуляет, то он все равно возвращается к жене. В большинстве случаев неверные мужья, они своих жен так или иначе все равно любят, и они к ним возвращаются и чаще стараются сохранить отношения, но, конечно бывают разные случаи (Владимир, 26 лет).

Заметим, что Владимир не хочет выглядеть откровенным сексистом, поэтому ему нужна аргументация, которая призвана показать естественность и неизбежность гендерной поляризации. Таковую аргументацию принимают и женщины. Наташа пересказывает убедительные для нее объяснения мужа, оправдывающего свою измену: *«Я же мужчина, я ничего к ней, ну в общем, ничего не испытываю. Я тебя люблю»* (Наташа, 22 года).

Сексуальные потребности мужчины признаются первичными, потребности женщины — не настолько выраженными и значимыми для нее. Сексуальное удовлетворение женщины, хотя и считается важным, достигается не всегда. Иногда мужчины не интересуются этим, иногда женщины имитируют оргазм. Они не хотят «портить отношения», «обижать партнера». Отсутствие оргазма женщина оценивает как «свою проблему»:

Я ему внушила, что я получаю удовольствие от него. Я внушила, что вот каждый раз... и он уже настолько старается... но я не могу. Может быть, я не могу расслабиться до конца? Может, я сама там делаю что-то, а, может быть, надо расслабиться. Я не могу еще пока (Яна, 19 лет).

С точки зрения мужчины, имитация оргазма — это проблема женщины и ее сознательный выбор.

— *А может такое быть, что они имитируют?*

— *Имитируют? Абсолютно может быть, но это уже не моя проблема... если им так нравится или если они хотят (Пётр, 20 лет).*

Пётр считает, что девушки имитируют оргазм, если им что-то не нравится, или они хотят сократить продолжительность полового акта. Они также могут ориентироваться на удовлетворение самолюбия партнера и поэтому «играют». Подобное поведение не является «проблемой» мужчины. Это «проблема женщины». Хотя многие мужчины признают значимость оргазма у партнерш, существующие сложности переговорного процесса по поводу сексуальных отношений препятствуют достижению женщинами сексуального удовлетворения. По сравнению с предшествующими поколениями, для которых также характерны подобные практики, современная ситуация отличается резким возрастанием дискурсивной и практической ценности сексуальной жизни и связанных с ней удовольствий, соответствующим возрастанием ценности оргазмического удовольствия для женщин, а также нежеланием все большего числа женщин мириться с его отсутствием.

Использование контрацепции также описывается многими как «женское дело», поскольку считается, что именно женщина заинтересована в предохранении от нежелательной беременности. Она должна отвечать за обеспечение пары контрацептивными средствами и в случае использования презервативов:

Когда... мы предохранялись вот этими таблетками, то их покупала я... для меня вот это было не в напряг. Потому что... это же женские контрацептивы. Значит, ну, я могу их купить. А когда потом, ну, во-первых, там какие-то не подходили, потому что они там неприятные ощущения вызывали... могли вызвать вот молочницу... От них пришлось отказаться. Ну, нужно было покупать там презервативы. И обязанность покупать их повесили на меня... То есть я взяла первые, какие там были в аптеке... А потом, когда я их принесла, мне сказали: ой, классические, а надо было купить там, я не знаю, какие-то, ну, там элитные или там комфорт... И потом никак я не могла с себя вот эту

обязанность, как бы, стихнуть, потому что мне постоянно тыкали: вот я же там, я же тебя там кормлю, а вот почему ты не можешь их купить (Аня, 25 лет).

Аня берет на себя ответственность за предохранение, поскольку ее партнер не проявляет в этом заинтересованности. Он считает, что о контрацепции должна заботиться женщина, поскольку именно она является потенциальной матерью. Данной проблеме посвящен большой фрагмент интервью, показывающий, что Аня не удовлетворена таким распределением обязанностей и испытывает из-за этого фрустрацию. Другая информантка не ставит под сомнение выполнение таких обязанностей. Она полагает, что женщина должна заботиться о контрацепции, поскольку мужчина не всегда может себя контролировать в сексе, а беременность, в конечном счете — «это ее проблемы»:

Я считаю, что мужчины больше отдаются в сексе, чем женщина, всегда. Женщина может себя контролировать... в конце концов, это [контрацепция] твои в первую очередь проблемы. Даже в браке. Это твои проблемы, и ты должна, как бы, в первую очередь об этом заботиться (Юля, 20 лет).

Такую позицию разделяют и многие мужчины. Женщины обретают знания и навыки в области контрацептивного поведения, однако часто они не могут согласовать его с партнером, продолжая ожидать от него инициативы в том, в чем он не является компетентным и не хочет быть инициатором.

Принятие решения о деторождении, с точки зрения многих информанток и информантов, — это также в конечном счете «дело женщины». Приведем пример. Девятнадцатилетний Николай считает женщин более компетентными и заинтересованными в этом вопросе; со своей подругой он не обсуждает возможное рождение ребенка. От мужчины компетентности не требуется, поскольку «им же [женщинам] рожать». Он полагает, что решение родить ребенка его постоянная партнерша примет самостоятельно. Он не считает себя вправе что-то советовать ей, и в любом случае оставляет последнее слово за женщиной. На этом примере видно, насколько тонкая грань разделяет отношение мужчины, не считающего себя вправе оказывать давление на женщину, и его отчуждение/отстранение от мира «женских проблем», в котором совсем молодой мужчина не хочет или не может

принимать участие из-за недостатка компетенции. (Возможно, этот молодой человек пока не мыслит себя потенциальным отцом, в будущем его позиция может быть переопределена и он будет говорить о том, что женщина должна советоваться с ним.)

Аналогичную позицию по поводу использования контрацепции высказывает другой молодой мужчина. Женщина, с его точки зрения, должна сама принимать решение.

Я не стану же навязывать что-то, потому что мне в голову вот так вот взбрело... что таблетки это круто, нет, просто она же в любом случае свой организм знает лучше, чем ее знакомый... У каждого организма могут быть свои особенности, кому-то больше подходит один способ, кому-то другой (Вова, 26 лет).

Мужчина не хочет оказывать давление на женщину, но, как следует из дальнейшего рассказа, он не предполагает переговоров и участия в принятии совместного решения. С точки зрения многих женщин и мужчин, существуют сферы, которые являются эксклюзивно женскими (и эксклюзивно мужскими). Наиболее четко такая позиция выражена по поводу родов и возможного участия в них отца ребенка. Наши информантки комментируют:

Во-первых, мужчины очень стрессонеустойчивые... Во-вторых, есть моменты, которые все-таки... таинство; мужчина не должен об этом знать (Анна, 26 лет).

У многих мужчин потом пропадает сексуальное желание к женщине, после того как они наблюдают жену в родах (Ирина, 20 лет).

Мужчины в этом случае не рассматриваются как желаемые участники «женского мира» и осуществления «женского таинства». Пересечение границы гендерных миров, вхождение мужчины в «женский мир» чревато утратой мужественности, т. е. психофизических сил и потенции. Другой вариант — женщина хочет, чтобы муж присутствовал при родах, оценил ее «испытание», однако мужчина наотрез отказывается принять в них участие. В результате он не может информированно оценить значимость «женской работы»:

- *А муж хотел присутствовать при родах?*
- *Нет, нет. Я очень хотела, чтобы он присутствовал.*

— Он сказал «нет»...

— Нет. Он сказал «извините» [смеется]. «Такое счастье мне не надо». Я очень хотела... «Видел бы ты это, испытал бы ты это, что я испытала!» (Юля, 20 лет).

Проблемы коммуникации и разделение миров прослеживаются и в рассказах о заболеваниях, передающихся половым путем, и их лечении, когда партнеры не вполне информированы, какое лечение назначено другому, как оно осуществляется и какие приносит результаты. Молодая женщина, которая крайне недоверчиво относится к врачам и подозревает их в гипердиагностике (цитата приведена выше), рассказывает о лечении своего партнера:

Я не знаю, куда он ходил, к кому обращался... Было очень обидно, когда я приходила в больницу, а там люди, девочки приходили со своими мальчиками, они их там ждали или еще чего-то. У меня даже в мыслях не было такого, чтобы его позвать с собой. Потому что я знала его реакцию на это, он бы со мной не пошел однозначно (Аня, 25 лет).

Разделение женского и мужского миров в сфере сексуального и репродуктивного поведения поддерживается и женщинами, и мужчинами. Конечно, это не абсолютное правило, но, на наш взгляд, все еще доминирующее. В рассказах встречаются ситуации, когда женщины проявляют инициативу по вовлечению мужчин в мир «женских проблем», но они не достигают результата (примеры, когда муж отказывается принимать участие в родах или когда женщина не получает от партнера эмоциональной поддержки при аборте) и вынуждены сами заботиться о себе (пример, когда использование контрацепции является исключительно женской ответственностью). Из этого часто следуют нарушения коммуникации и конфликты. В результате более «эффективной» оказывается стратегия автономизации миров, которая позволяет женщинам иметь свой мир, сохранять в нем компетентность и авторитет. Однако разделение миров и ролей по признаку пола может приводить к недоверию с обеих сторон, когда и женщины, и мужчины чувствуют себя исключенными.

Коммуникация между жестко разделенными «женским» и «мужским» мирами при возрастании активности женщин может вызывать проблемы и конфликты, которые описываются в терминах безразли-

чия к потребностям и использованию друг друга.¹² Женщины не удовлетворены сексуальной жизнью, которой они не могут управлять на равных и которая зависит от обстоятельств или от мужчины. Однако в традиционалистской гендерной культуре у них часто не хватает ресурсов для изменения ситуации. В радикальном варианте сексуальные партнеры дискурсивно репрезентируются как сексуальные эксплуататоры и манипуляторы; при этом информанты используют обценную лексику.

Они [мужчины], сволочи, как бы, думают только о себе. Практически. Половина из них (Валерия, 25 лет).

И в любом случае мне поднимается вот этот вопрос. Что вот женщины — они потребляют мужчин. И вообще ты со мной встречалась, чтобы только потреблять и ничего больше, и все. И короче, я, там, последняя сволочь и последняя сука, потому что не могла принести ему пачку котлет и вообще на нем сэкономила (Аня, 25 лет).

Мужчине не только приписываются естественные сексуальные потребности, которые должна удовлетворять женщина (ему «нельзя отказывать в сексе»). От него ожидается выполнение традиционной инструментальной роли — добытчика, кормильца. Женщина, соответственно должна выполнять функции обслуживания (в том числе сексуального) и заботы. Такие ориентиры являются престижными среди определенных слоев молодежи (и не только молодежи). Наша информантка замечает:

---

¹² Один из агрессивных вариантов гендерного конфликта — оскорбление женщины, принуждение и насилие. В этом случае предполагается, что женщина должна удовлетворить сексуальные потребности мужчины абсолютно без всякого желания со своей стороны. Если она не согласна, ее могут принудить к сексуальным действиям против ее воли. Рассказывает молодая женщина: «Один из сотрудников, он стал ко мне приставать, причем было очень страшно, потому что, ну, во-первых, он меня обзывал. Ну, считай, девушке, когда ее называют: давай жирная, давай толстая, делай, чего ты выделяешься... Я, конечно, понимаю, что там было несколько девушек, которые, ну, реально там ни капли жира, очень тоненькие, стройненькие, все, я по сравнению была пухленькая, но это не повод, чтоб меня так обзывать... Он хотел, чтобы я ему минет сделала, вот. Силой, то есть силой реально заставлял меня что-то делать, пытался, меня просто охранник оттуда вытащил» (Лина, 23 года).

Мне известны девушки, которые начиная с восемнадцати лет инвестируют только в свою внешность с целью удачно выйти замуж, и, в общем-то, то есть это вот программа-максимум для нее, и соответственно после выполнения которой она может ни о чем не думать, не заботиться и сидеть дома и вышивать крестиком (Алёна, 22 года).

Иными словами, девушки могут сознательно выбирать «традиционную судьбу» и относиться к ней как к жизненному проекту, который требует инвестирования и определенных ресурсов. Однако осуществление подобных намерений в конкретных случаях вызывает у современных молодых женщин затруднения и проблемы. «Он немножко убил во мне личность, — говорит двадцатилетняя Юлия, — на самом деле. Мою, вот. Я, может быть, с одной стороны, я жалею об этом, но, с другой стороны, я благодарна, что он поставил меня за плиту, сделал, как бы... он». Женщины в этом случае ориентируются на жесткое разделение семейных ролей по признаку пола:

Источник дохода — муж. Для этого есть мужчина... Женщина в первую очередь должна очаг делать, и семью создавать, и растить детей... у меня вот ребенок [будет] и семья — это на первом плане, а работа... либо это нравится, либо это, может быть, из-за денег... Карьера, если она получится не в ущерб семье, я буду очень рада. Но пожертвовать карьерой ради ребенка я готова (Наташа, 22 года).

Итак, два гендерных мира в сфере сексуальности сопряжены с традиционными предписаниями для мужчин и женщин. От мужчины ожидается экономическая поддержка, в обмен на которую он получает от женщины сексуальное и иное обслуживание. Однако такая система традиционного гендерного разделения, которая в определенных обстоятельствах может устраивать представителей обоих полов, уже во многом сломана. Ее правила перестали быть безусловными, а поломки приводят к тому, что гендерные границы становятся договорными и подвижными.

Заключение

Подведем итоги. *Гендерный этап* сексуальной революции в России может быть охарактеризован следующим образом. Постсоветское поколение городских женщин проявляет в сексуальной сфере активность, рациональность, компетентность, ответственность и ориентируется на практики сексуального удовольствия. Сексуальная жизнь этих женщин выстраивается как проект, в отличие от поколения матерей, сексуальная биография которых во многом определялась судьбой и обстоятельствами. Данный проект ориентирован на партнерство. Это аргумент в пользу эгалитарных гендерных изменений. Однако и в этом поколении во многом сохраняются советские практики подчиненной сексуальности женщин, а их рациональное поведение сталкивается с барьерами, которые достаточно сложно преодолеть: женщинам не хватает знаний, они не доверяют врачам-гинекологам, не используют подходящую им контрацепцию; планирование сексуальной жизни и репродуктивных практик срывается из-за внешних обстоятельств, и пр. Сохраняется традиционализм и мужчин, и женщин, воспроизводится гендерная поляризация, а сексуальная жизнь оценивается как зависящая от судьбы и обстоятельств. В таких условиях практики безопасного секса и ответственного отношения к деторождению становятся проблемными. Поляризация воплощается в разделении гендерных миров, когда от мужчины ожидается функция кормильца, а от женщины — сексуальное и иное обслуживание. Гендерная сегрегация/поляризация поддерживается традиционалистскими дискурсами и практиками, институциональным обеспечением «работающей матери» и игнорированием мужской роли в приватной сфере (в том числе отцовства). Пример такой противоречивой гендерной идеологии представлен в ежегодном послании Президента Федеральному Собранию 2006 г., в котором определены приоритеты государственной демографической политики, направленные преимущественно на поддержку женщины-матери и лишь отчасти — молодых семей (Путин, 2006). Данная политика релевантна растущей независимости и активности молодых женщин, однако она не обеспечивает поддержку равноправного партнерства, а скорее будет и далее способствовать воспроизводству гендерных границ, отчуждению отцов от приватной сферы и росту этакратического (государственно-ориентированного) традиционализма в приватной сфере. Учитывая крайнюю непоследовательность в отношении сексуального образования в современной

России, следует отметить, что институциональная рефлексивность остается недостаточной для сознательного планирования деторождения и ответственного родительства. На фоне снижения возраста вступления в сексуальные отношения, распространения СПИДа и ЗППП усиливается лицемерие общества и государства, ограничивающих сексуальное образование как способствующее «моральному разложению», не замечающих нехватку знаний и безответственного отношения молодых мужчин и женщин к сексуальной жизни, интерпретирующих ее как свою неизбежную «судьбу».

Литература

- Ангелова Е. (2005). *Участие отца в репродуктивном процессе: новые практики и институциональное обеспечение*. Магистерская диссертация. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- Анурин В. (2000). Сексуальная революция: двойной стандарт, *Социс*, № 9, с. 88–95.
- Анурин В. (2004). Сексуальная революция на марше (предисловие переводчика), в кн.: А. Гидденс, *Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*. М.; СПб.: Питер, с. 7–28.
- Бараулина Т. (2002). Моральное материнство и воспроизводство женского опыта в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 366–405.
- Бек У. (2000). *Общество риска: На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция.
- Бежен А. (1997). Рационализация и демократизация сексуальности, в кн.: С. Голод, науч. ред., *Социология сексуальности: Антология*. СПб.: Фиалиал Института социологии РАН.
- Гарфинкель Г. (2007). *Исследования по этнометодологии*. СПб.: Питер.
- Голод С. (1996). *XX век и тенденции сексуальных отношений в России*. СПб.: Алетейя.
- Гидденс А. (2004). *Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*. М.; СПб.: Питер.
- Здравомыслова Е. (2005). Гендерное гражданство в Советской России: практики аборт, в кн.: И. Григорьева, Н. Килдал, С. Кюнле, В. Минина, ред., *Развитие государства благосостояния в странах Северной Европы и России: Сравнительная перспектива*. СПб.: Скифия-Принт, с. 179–196.
- Здравомыслова О. (2003). *Семья и общество: Гендерное измерение российской трансформации*. М.: Едиториал УРСС.

- Здравомыслова Е., Тёмкина А., ред. (2002а). *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. (2002б). Анализ нарратива: возможности реконструкции сексуальной идентичности в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 549–558.
- Здравомыслова Е., Тёмкина А. (2007). От лицемерия к рационализации: трансформация дискурсивного режима сексуальности, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, *Российский гендерный порядок: Социологический подход*. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, с. 213–226.
- Кон И. (1997). *Сексуальная культура в России: Клубничка на березке*. М.: ОГИ.
- Кон И. (2002). Человеческие сексуальности на рубеже XXI в., в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 24–26.
- Кон И. (2005). *Сексуальная культура в России: Клубничка на березке*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Айрис-пресс.
- Мягкая Л. (2005). Феномен судьбы в женском представлении, в кн.: Э. Шишкарёва, отв. ред., *Женская устная история: Гендерные исследования*. Ч. 2. Бишкек: ОФ «Центр издательского развития», с. 128–189.
- Никонов А. (2005). *Конец феминизма: Чем женщина отличается от человека*. М.: Изд-во НИЦ ЭНАС.
- Путин В. (2006). *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации* [электронный ресурс]. М.: Президент России, официальный сайт, 10.05.2006. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml>, свободный.
- Тёмкина А. (2001). К вопросу о женском удовольствии: сексуальность и идентичность, в кн.: О. Хархордин, ред., *Мишель Фуко и Россия: Сборник статей*. СПб.; М.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге; Летний сад, с. 316–347.
- Тёмкина А. (2002). Сценарии сексуальности и гендерные различия, в кн.: Е. Здравомыслова, А. Тёмкина, ред., *В поисках сексуальности: Сборник статей*. СПб.: Дмитрий Буланин, с. 247–286.
- Naavio-Mannila E., Rotkirch A. (2005). *Sexual Patterns and Social Stratification Among Young Men in Petersburg and Finland*. Paper presented at the 7th conference of the European Sociological Association, working group Sexualities, Torun, 9–11.09.2005.
- Hochschild A. (1983). *The Managed Heart. Commercialization of Human Feeling*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.

- Hochschild A. (2003). *The Commercialization of Intimate Life. Notes from Home and Work*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press.
- Giddens A. (1991). The Trajectory of Self, in: A. Giddens. *Modernity and Self-Identity*. Polity Press.
- Rotkirch A. (2000). *The Man Question: Loves and Lives in Late Twentieth Century Russia*. Helsinki: University of Helsinki.
- Rotkirch A., Haavio-Mannila E. (2000). Gender Liberalisation and Polarisation: Comparing sexuality in St. Petersburg, Finland and Sweden, *Idäntutkimus – The Finnish Review of East European Studies*, N 3–4, p. 4–25.
- Zdravomyslova E. (2001). Hypocritical Sexuality of the Late Soviet Period: Sexual Knowledge and Sexual Ignorance, in: S. Webber, I. Liikanen, eds., *Education and Civic Culture in Post-Communist Countries*. Palgrave, p. 151–167.